

Диана Луц

Мини-Сборник Историй

Диана Луч
Мини-Сборник Историй

<https://litres.ru/74121678>

SelfPub; 2026

Аннотация

14 историй - начиная от обычных и заканчивая самыми абсурдными мирами. Что может скрываться за обычным зеркалом, или насколько мы доверяем домовым?...

Диана Луч

Мини-Сборник Историй

1.

Ветер здесь не стихает никогда. Он воеет в печных трубах, как запертый в подвале зверь, и рвет с крыши старый, почерневший от времени шифер. Деревня Заболотье, затерянная среди уральских лесов, была не просто забыта Богом — она была им проклята. И в самом сердце этого проклятия, в покосившемся срубе на краю оврага, жила девушка по имени Лена.

Ей было девятнадцать, и она знала каждый скрип половицы в своем доме. Знала, что половица у входа стонет от тоски, а та, что у печи, — от гнева. Она жила одна с тех пор, как отец ушел на охоту и не вернулся, а мать просто легла спать и больше не проснулась. Вечерами Лена сидела у окна, глядя на черную стену тайги, и слушала радио. Сквозь треск помех доносились голоса из большого мира — мира, которого для нее не существовало.

Но в последнее время помехи стали другими. Они складывались в слова.

Это началось после того, как сошел снег. Лена вышла во двор за водой и заметила, что колодец зарос странным, белесым мхом. Мох пульсировал. Он был влажным и теплым на ощупь, словно живая плоть. Когда она отдернула руку, на коже остался запах — густой, болотный, сладковатый аромат разложения.

В ту же ночь радио заговорило.

**«Она слышит нас...»* — прошипел голос сквозь белый шум. Это был не человеческий голос. Он был многослойным, будто сотни людей шептали одновременно, задыхаясь и давясь словами.*

Лена выключила приемник. Выдернула шнур из розетки.

— Ветер шалит, — сказала она вслух в пустой комнате. Голос прозвучал жалко и одиноко.

Но голос вернулся. Он шел не из динамика.

**«Она смотрит в темноту...»* — донеслось из подпола.*

Лена замерла. Сердце ухнуло куда-то в живот. Она знала этот подпол. Там хранилась картошка и банки с соленьями. Там было холодно и пахло сырой землей. Там не могло быть ничего живого.

Она схватила керосиновую лампу и откинула тяжелую крышку люка. Желтый свет выхватил из темноты земляные ступени и старые ящики. Пусто. Только тени плясали по углам.

— Кто здесь? — хрипло спросила Лена.

Тишина была ей ответом. А потом из самого темного угла донесся тихий, влажный шлепок. И еще один. Что-то тяжелое ползло по земляному полу.

Лена захлопнула крышку и прижалась к ней спиной, тяжело дыша. Она слышала, как внизу что-то ударилось о доски с той стороны. Удар был глухим, мягким, но мощным.

Следующие дни превратились в кошмар наяву. Голоса были повсюду. Они шептали из щелей в бревнах стен, булькали в кастрюле с остывшим супом, шелестели страницами старой книги на столе.

«Ты такая же, как мы...»

Лена перестала спать. Она сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела на дверь в подпол. Крышка люка начала вздуваться изнутри, словно что-то огромное давило на нее снизу. Доски скрипели и трещали.

На третью ночь она не выдержала. Страх сменился глухой, черной яростью. Она не позволит этой твари выжить ее из собственного дома. Это был ее дом! Ее земля!

Она взяла топор — тот самый, которым отец рубил дрова.

— Хватит! — крикнула она в пустоту дома. — Я знаю, что ты там!

Крышка люка с грохотом отлетела в сторону. Из черной дыры пахло невыносимым смрадом — запахом стоялой воды и гниющего мяса.

Лена осветила лампой вниз.

Внизу не было ничего похожего на зверя или человека. Там была лишь пульсирующая масса белесой плоти

— тот самый мох со двора, разросшийся до невероятных размеров. Он заполнял весь подпол, выпирая наружу буграми и щупальцами. А в центре этой массы, словно жемчужина в раковине, сидела ее мать.

Или то, что когда-то было ее матерью. Тело было оплетено белыми нитями грибка-паразита, кожа стала прозрачной, сквозь нее проступала та же белесая пульсация. Глаза матери были открыты — пустые, белые, без зрачков.

— Мама? — прошептала Лена, чувствуя, как по щекам текут слезы ужаса и горя.

Существо внизу издало звук — смесь бульканья и низкого утробного смеха.

«Иди к нам... Здесь тепло... Здесь нет одиночества...»

Тонкий белый отросток, похожий на корень или щупальце, медленно выполз из ямы и коснулся пола в шаге от Лены. Он тянулся к ней, оставляя за собой влажный след.

Лена подняла топор. Руки дрожали так сильно, что

лезвие отбрасывало на стену безумные тени.

— Нет... — выдохнула она.

Она не могла убить это. Это было частью ее дома, частью ее семьи... частью ее самой? Отросток коснулся ее босой ноги. Он был ледяным и липким одновременно. По телу девушки пробежала волна омерзения и странно-го, чужого покоя.

«Ты станешь нашей королевой...»

Лена закрыла глаза и опустила топор на пол рядом с собой. Она больше не чувствовала холода половиц под ногами или ветра из щелей в окне. Она чувствовала только голод этого древнего леса и покой вечного забвения.

Утром радио снова играло веселую советскую песню про «миллион алых роз». В доме Заболотья снова воцарилась тишина. Только из открытого подпола тянулся густой запах сырости да по земляному полу к лестнице ползла тонкая ниточка белесого мха, ища новую жертву в большом мире за порогом.

2.

Мопс и большая кошка

*В старом кирпичном доме на окраине Воронежа, где по утрам дворник дядя Коля подметал листья, а вечерами фонари выхватывали из темноты силуэты прохожих, жили два совершенно разных существа. В одной квартире, на третьем этаже, делили пространство **мопс по кличке Гоша** и **мейн-кун Василиса**.*

Гоша был воплощением собачьей энергии в компактной упаковке. Короткие лапы несли его по квартире с удивительной скоростью, сплюснутая морда выражала весь спектр эмоций — от безграничного счастья до вселенской обиды, а хвост-баранка вращался как пропеллер при виде еды или поводка. Он был шумным, любопытным и совершенно не понимал концепции личного пространства.

Василиса же была его полной противоположностью. Величественная, пушистая кошка с кисточками на ушах и взглядом, исполненным тысячеклетней мудрости (или глубокого презрения — тут уж как посмотреть). Она предпочитала созерцание суете. Её королевским тронем был широкий подоконник, с которого открывался вид на двор и воробьёв. Движения её были плавными и грациозными, а характер — независимым до кончиков когтей.

Их знакомство прошло предсказуемо. Хозяйка, Анна Петровна, принесла домой крошечного пищущего щенка. Василиса, до этого момента считавшая себя единственным и неповторимым центром вселенной, выгнула спину, зашипела и одним гигантским прыжком переместилась на шкаф. Оттуда она наблюдала за новым жильцом с брезгливым интересом энтомолога, изучающего редкий, но крайне раздражающий вид жука.

Первые месяцы прошли в режиме «холодной войны». Гоша пытался вовлечь Василису в свои игры: приносил ей мячик (который был больше его головы), лаял, приглашая погоняться за хвостом. Василиса игнорировала эти жалкие попытки. Если Гоша подходил слишком близко, она молниеносно, но аккуратно била его лапой по носу — без когтей, просто в качестве предупреждения о нарушении государственной границы её личного пространства.

Перемены начались с наступлением зимы. В тот год морозы ударили неожиданно рано. Однажды вечером Анна Петровна заметила странную картину. Она включила свет на кухне и увидела их. Гоша спал на своей лежанке у батареи, свернувшись калачиком. А рядом, нарушив все кошачьи принципы, лежала Василиса. Она не просто лежала рядом — она обнимала мопса. Огромная

пушистая лапа была перекинута через его спину, а голова кошки покоилась на боку Гоши.

Это было немыслимо. Но это было только начало.

Настоящее испытание их странной дружбе выпало в марте. В квартире завелись мыши. Старый дом всегда имел свои секреты и обитателей в перекрытиях. Сначала это были просто шорохи за плинтусом по ночам. Потом одна наглая мышь пробежала прямо по коридору.

Гоша обезумел. Он облаивал плинтусы, пытался рыть линолеум короткими лапами и постоянно крутился под ногами у хозяйки, всем своим видом показывая: «Враг здесь! Я чувю! Но я не знаю, что делать!».

Василиса же повела себя иначе. Она перестала спать на подоконнике. Её уши постоянно были в движении, улавливая малейшие звуки. Она часами сидела в засаде у вентиляционной решетки в ванной комнате — неподвижная, как статуя.

И вот однажды ночью Анна Петровна проснулась от странного звука. Это был не лай и не царапанье. Это была какая-то возня в коридоре. Она включила свет.

Посреди коридора стояла Василиса. Перед ней, прижав уши и дрожа всем телом, сидела крупная мышь. Кошка не делала резких движений. Она просто смотрела. Это был взгляд хищника, уверенного в своей победе.

И тут из спальни вылетел Гоша. Он не лаял. Он молча подбежал к Василисе и встал рядом с ней, плечом к плечу. Он тоже смотрел на мышь. Два совершенно разных существа — неуклюжий пес и грациозная кошка — стояли единой стеной.

Мышь не выдержала этого двойного давления. Она пискнула и юркнула обратно в щель.

После этого случая что-то окончательно изменилось. Василиса больше не прогоняла Гошу с подоконника. Иногда они даже спали вместе: огромная кошка и маленький мопс, согревая друг друга зимними ночами. Гоша перестал пытаться заставить её играть в мяч. Вместо этого он просто ложился рядом, когда она умывалась после еды, и тихонько вздыхал от счастья.

Они так и не стали похожи друг на друга. Гоша оставался шумным и бестолковым щенком в душе, а Василиса — холодной аристократкой. Но они научились главному: быть командой. И когда вечером Анна Петровна

смотрела, как её два питомца дремлют на диване — один пушистый и большой, другой гладкий и маленький — она понимала, что иногда самые крепкие союзы рождаются из полного неприятия друг друга.

3.

Тень за окном

Чарли Миллеру было двенадцать, и он знал: в старом доме на Пайн-стрит что-то не так. Родители говорили, что это просто скрипят полы, а шорохи по ночам — ветер. Но Чарли слышал другое.

Дом стоял на окраине городка, окружённый густым лесом, который в сумерках казался живым. Каждую ночь, когда луна поднималась над верхушками елей, в окне его комнаты появлялась тень. Она не принадлежала ни дереву, ни облаку. Это была фигура — высокая, сутулая, с длинными, как у паука, пальцами.

Чарли никому не рассказывал. Он знал: взрослые только посмеются или, хуже того, отведут к доктору. Но однажды тень перестала быть просто тенью.

Это случилось в среду. Чарли проснулся от холода — окно было распахнуто настежь, хотя он точно помнил,

что закрывал его. В комнате стоял запах сырой земли и прелых листьев. А у кровати, склонившись так низко, что Чарли видел только чёрный силуэт, кто-то стоял.

— Ты меня видишь, — прошептал голос, похожий на шорох сухих листьев.

Чарли хотел закричать, но горло перехватило. Он натянул одеяло до подбородка и зажмурился.

— Я всегда был здесь, — продолжал голос. — В стенах. В полу. В твоих снах.

Чарли открыл глаза. Тень исчезла, но на полу остались следы — мокрые отпечатки босых ног, ведущие от окна к его кровати и обратно.

С тех пор Чарли не спал по ночам. Он сидел у окна с фонариком и ждал. И однажды увидел: тень не просто смотрит. Она копирует его. Когда Чарли поднимал руку — поднималась и она. Когда он улыбался — тень кривила рот в жуткой ухмылке.

В пятницу Чарли решился. Он взял старый отцовский фотоаппарат — тот самый, что снимал только на плёнку. Если тень настоящая, она должна остаться

на снимке.

Ночь была тихой. Луна висела низко, заливая комнату мертвенным светом. Чарли навёл объектив на окно и нажал на спуск.

Вспышка ослепила его. А когда глаза привыкли к темноте, он увидел: тень стоит прямо за стеклом, прижав к нему ладони. Лицо её было не просто чёрным пятном — на нём проступали черты. И Чарли узнал их.

Это было его собственное лицо.

На следующий день родители нашли Чарли в его комнате. Он сидел на полу у окна и улыбался, глядя на улицу. В руках он держал фотоаппарат.

На проявленной плёнке был только один кадр: размытый силуэт мальчика у окна. А за стеклом — ничего.

Но если присмотреться к негативу внимательнее, можно было заметить кое-что ещё. Чуть левее окна, среди ветвей старой ели, стояла фигура. И она махала рукой тому, кто держал фотоаппарат.

С тех пор в доме на Пайн-стрит никто не жил. Но

иногда соседи замечали: по ночам в окне второго этажа загорается и гаснет свет маленького фонарика. Будто кто-то всё ещё ждёт своего гостя из темноты.

А в лесу за домом, если прислушаться в безветренную ночь, можно услышать тихий детский смех и шёпот:

— Ты меня видишь?

4.

Хроники рыжего бродяги

Меня зовут Лис. Я не из тех, кто позирует на картинках в детских книжках — пушистый, с хитрой улыбкой и аккуратным хвостом. Я настоящий: мои лапы знают, что такое грязь и утренняя роса, а шкура пахнет ветром, лесом и немного — опасностью.

Я живу на краю большого леса, где человеческие тропы переплетаются с заячьими, а запахи железа и дыма смешиваются с ароматом прелой листвы. Моя нора — не просто яма в земле. Это крепость, где я прячусь от метелей и храню свои тайны.

Люди называют меня плутом и вором. Они говорят,

что я краду кур и обманываю охотников. Но разве я виноват, что их куры так беспечно гуляют у самого леса? А охотники... Я просто умею слушать лес лучше них. Я чувствую, как дрожит земля под их сапогами, как пахнет их страх.

Но больше всего я люблю тишину. Когда луна висит над поляной, а в траве звенят сверчки, я выхожу на охоту. Мои глаза видят то, что скрыто от других: как мышь замирает под корнем, как сова бесшумно планирует между ветвей. В такие минуты я чувствую себя частью чего-то огромного и вечного.

Однажды зимой я встретил человека. Не охотника — мальчика. Он сидел на поваленном дереве и плакал. Я мог бы убежать, но что-то остановило меня. Может, его одиночество было слишком похоже на моё. Я не подошёл близко — лишь тенью скользнул по снегу и посмотрел на него своими жёлтыми глазами. Он увидел меня и перестал плакать. Просто смотрел, как я ухожу в чащу.

Я не умею говорить по-человечьи. Но, кажется, иногда слова и не нужны. Главное — быть честным перед лесом и самим собой.

Я — Лис. И это моя история.

Хромая правда

Зима в тот год выдалась суровой. Снег лежал тяжёлым, слежавшимся одеялом, скрывая и старые следы, и новые опасности. Еды в лесу почти не осталось: мыши ушли глубже, птицы улетели, а курятники на окраине деревни охранялись так, что и близко не подобраться. Голод гнал меня на риск.

Я помнил этот запах — резкий, чужой, с примесью ржавчины и человеческого пота. Обычно я обходил такие места стороной, полагаясь на свой нюх и осторожность. Но в тот вечер я был слишком голоден и слишком устал. Я шёл по старому лисьему следу, надеясь, что он приведёт меня к забытой кем-то падали.

Снег скрипнул под лапой тише обычного. Я замер, прислушиваясь. Тишина. И тут — щелчок. Не громкий, почти музыкальный, но от этого звука мир перевернулся. Стальная пасть сомкнулась на моей правой передней лапе с такой силой, что я даже не успел взвизгнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.